

П. В. РЯБОВ

К вопросу об антропологии М. А. Бакунина

Рассматривая творчество М. А. Бакунина, как правило, особое внимание обращают на конкретные социально-политические идеи великого русского анархиста, оставляя в стороне собственно философские основания этих идей. И это понятно: Михаил Александрович был прежде всего человеком действия, а не слова, практиком, а не теоретиком; он никогда не пытался разрабатывать свое учение как систему логически связанных догматов, предпочитая жизнь, практическую деятельность и борьбу сухим абстракциям теории. Свои работы он писал от случая к случаю всегда по конкретным практическим поводам, всегда в острой полемике, часто не заканчивал их и, начав с одного предмета, увлекался другим и уходил в сторону от первоначального замысла.

И все же знакомство с его сочинениями приводит к убеждению в том, что, несмотря на очевидную эволюцию его взглядов, имеется некое «ядро», некоторые важнейшие интуиции, центральные темы, к которым Бакунин был привязан всю жизнь со всей страстностью своей натуры и по которым возможно реконструировать его учение в целостном виде.

Безусловным центром его духовных исканий и интересов был человек. По нашему мнению, не являются преувеличением слова замечательного русского анархиста первой четверти XX века Алексея Борового, полагавшего, что «Творение Бакунина в целом есть антроподицея¹, объяснение и оправдание человеческого мира»*. В рамках нашей небольшой статьи мы коснемся лишь нескольких основных моментов бакунинской антропологии, рассматривая ее

* Алексей Боровой. Бакунин. М., 1994. С. 3.

в ее законченном и зрелом виде (оставив в стороне юношеский этап в эволюции Бакунина — до 1840 года).

Прежде всего надо отметить здесь безусловный материализм и позитивизм Бакунина в смысле отрицания им всего трансцендентного, всего вне- и надприродного. Он рассматривает человечество как закономерную ступень в развитии природы, подчиненную универсальной и всеобъемлющей природной причинности. Над человеком нет надприродного Бога, в человеке нет внеприродной души. Полемизируя с идеалистами и теологами, Бакунин не сомневается в естественном происхождении рода человеческого. Человек — это родственник гориллы, детерминированный своей животной и социальной природой. Так, например, человеческая психика развивается на чисто материальной, физиологической основе. Бог, по убеждению Бакунина, есть фикция, отчужденная от человека человеческая сущность. «Как индивидуальная, так и социальная жизнь человека первоначально представляет собой лишь самое непосредственное продолжение животной жизни»*.

Но, благодаря общественному образу жизни и все более прогрессирующему разуму — специфически человеческой способности абстрактно мыслить, выходить за пределы непосредственно данной ситуации, перерастая при этом самого себя, — благодаря этой чудесной способности (имеющейся у животных лишь в примитивном и неразвитом виде), человек становится человеком, преодолевает свою животность и обретает свою человечность. Весь процесс эволюции есть, по Бакунину, восхождение от неорганического к органическому, от животного — к человеческому. Содержание исторического процесса, как новой ступени эволюции — это именно вочеловечивание человека. Не останавливаясь и на этом, пытаясь заглянуть вперед, Бакунин допускает возможность еще более высокой, сверхчеловеческой ступени прогресса.

Что, же, однако, такое эта «человечность»? Как происходит «вочеловечивание»? Бакунин отвечает: «Три элемента или, если угодно, три основных принципа составляют существенные условия всякого человеческого, как индивидуального, так и коллективного, проявления в истории: 1) человеческая животность, 2) мысль и 3) бунт. Первой соответствуют собственно социальное и частично экономическое, второй — знание, и третьему — свобода»**. По мнению Бакунина, человек есть существо не только живое и не только мыс-

* Михаил Александрович Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 335.

** Там же. С. 449.

лящее, но и прежде всего — существо свободное, существо, способное к бунту и к преобразению самого себя и окружающего мира. Степень свободы — степень человечности личности и общества.

Так, начав с разрушения непроходимой стены между человеком и животным, Бакунин затем не растворяет человека в мире муравьев и обезьян, но резко противопоставляет его этому миру, надстраивая над животным миром мир собственно человеческий — мир человеческой свободы, человеческой индивидуальности, человеческого бунта. Начав со всеобъемлющего природного детерминизма и сокрушив при помощи его все надчеловеческие трансцендентные, «деспотические» субстанции (прежде всего — Бога), Бакунин теперь резко ограничивает этот детерминизм, вводя специфически человеческое измерение мироздания — способности личности к бунту, в котором рождается свобода. Этот бунт не следует понимать (как это часто делают) в качестве бунта тотального и абсолютного: из рамок природы и общества человеку не вырваться, а потому было бы нелепо пытаться бунтовать против природы и общества как таковых. Природа и общество в целом для Бакунина — это своего рода «игровое поле», неизменное и оценочно нейтральное, на котором человек обречен играть свою роль. Но против данной, конкретной природы — внешней, давящей и порабащающей личность, и против внутренней, своей собственной, животной природы мыслящий человек не только может, но и должен бунтовать, утверждая себя и обретая в этом бунте свою свободу. Точно так же и против данного, несвободного и бесчеловечного общества, с его закабаляющими и развращающими институтами Церкви, Власти и Собственности, — человек не только может, но и должен бунтовать, дабы оставаться человеком. Признавая вслед за Гегелем наличие мировой необходимости, Бакунин утверждает в то же время для свободной и мыслящей личности возможность противостояния и бунта против этой необходимости, если она угрожает человеческой свободе и достоинству. Пусть этот бунт не всегда завершается успехом, пусть окончательное совершенство и вечная гармония недостижимы, пусть бунт носит лишь относительный и частичный характер, но именно в нем рождается специфически человеческая реальность, рождается личность, рождается свобода.

Итак, отталкиваясь от гегельянства и позитивизма, как от первоначальных источников своего философствования, Бакунин в его внутренне драматической антропологии, сочетающей рационалистические и нерационалистические элементы, парадоксальным образом выступает а какой-то мере предтечей таких антиподов и гегельянской, и позитивистской философии, как «философия жизни» Ницше и Бергсона и экзистенциализм Камю².

Проблема человека для Бакунина — поистине острейшая, даже трагическая проблема. В ее осмыслении он поднимается над плоским и оптимистическим рационализмом позитивизма и над безличным прогрессизмом Гегеля, рассматривающего отдельных личностей как ступеньки на пути восхождения Абсолютного Духа.

Для Бакунина, напротив, единичное — выше общего, конкретный человек — не сводим к рациональным и общим абстракциям. А потому, восстав против надчеловеческих фетишей: Бога и Государства, — Михаил Бакунин не останавливается на этом. При всем своем уважении к мысли вообще и к науке в частности как к благодетельным источникам развития человечества, Бакунин, однако, провозглашает примат жизни над теорией, примат живого и неповторимого человека над человеком абстрактным.

Наука лишь описывает жизнь, причем описывает в мертвых, застывших, безличных и окостеневших категориях — поэтому в жизни всегда есть то, чего наука не может понять, схватить, поэтому нелепы и смешны ее претензии повелевать жизнью людей. Сама же человеческая жизнь — уникальная и бесконечная в своих проявлениях — является поистине предметом религиозного поклонения для Бакунина. Быть может, именно этим объясняется то, что сам Михаил Александрович предпочитал, подобно Сократу³, жить, а не писать и, при всей глубине и значительности высказанных им на бумаге мыслей, все же был как личность значительнее себя как теоретика. (Отсюда — то потрясающее и неизгладимое впечатление, которое Бакунин производил на современников: от Герцена и Белинского — до Тургенева и Вагнера.) Поистине вдохновенным пафосом наполнены слова Бакунина, в которых ярко переданы и неизбывный трагизм человеческого существования и великий триумф безнадежной и бесконечной борьбы человека за свою человечность: «Будучи существом эфемерным и незаметным, затерянным в мировом океане мировых превращений, перед неведомой вечностью за собой и безграничной вечностью перед собой, человек мыслящий, человек активный, человек, сознающий свое человеческое предназначение, остается спокойным и гордым в ощущении своей свободы, которую он завоевывает, освобождая самого себя посредством труда, посредством знания и освобождая (бунтуя в случае надобности) всех окружающих людей, себе подобных, своих братьев»*.

* Там же. С. 350.